

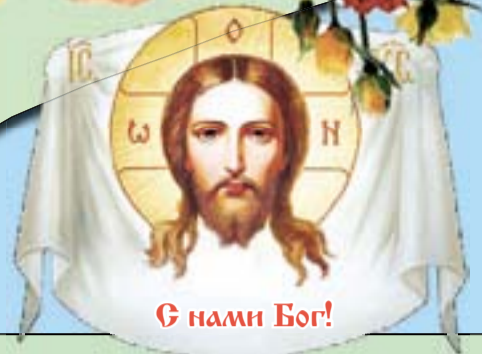
ЖИЗНЬ во Христе

Издается по благословию Высокопреосвященнейшего
Леонтия – Митрополита Оренбургского и Бузулукского

СЛОВО О ВЕРЕ

№ 8 (254)

Апрель 2008 г.

Ликуют, люди!

С сияющими свечами и трепетными сердцами идем мы в пасхальную ночь вслед за батюшками навстречу радостной вести о Христовом Воскресении. Как мироносицы шли ко гробу «утру глубоко» – еще до рассвета, так и мы идем в ночной прохладе, оглашаемой колокольным звоном, и поем тихое и светлое: «Воскресение Твое Христе Спасе...» Как мироносицы остановились у гроба Господня, останавливаемся и мы у двери храма в трепетном ожидании. И вдруг слышим бесконечно дорогое: «Христос Воскресе!». Нет в жизни минуты радостнее и величественнее этой, даже если еще не осознаешь до конца.

Крестный ход бывает каждый день на Светлой Седмице. Каждый день мы идем вокруг храма под немолкающий колокольный звон, радостно внимаем гласу священника: «Христос Воскресе!», громко и весело отвечаем: «Воистину Воскресе!». Батюшка кропляет всех и все вокруг святой водой, брызги которой светятся и икрятся в солнечных лучах.

Христос Воскрес!

Случалось ли вам долго ждать какой-нибудь праздник? Как жалко бывает, когда он уходит. Недаром в Церкви праздники долгие. Целую неделю, а то и дольше. Пасху называют Праздником праздников. Длится она целых 40 дней. 40 дней мы здороваемся и прощаемся словами: «Христос Воскресе!» – «Воистину Воскресе!». 40 дней в начале всех молитв церковных и домашних поем тропарь Пасхи: «Христос Воскресе из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав!» Каждый день Светлой Седмицы – больше и радостнее самого большого праздника. А оставшиеся пасхальные 32 дня – праздники не меньшие, чем обычное воскресение. Церковь готовит нас к Пасхе весь Великий Пост, даже раньше, за 70 дней до Светлого Христова Воскресения. Весь Богослужебный цикл зависит от Пасхи. Сначала мы идем навстречу священному дню, потом учимся принимать с благодарностью все последующие ее дары. Пасха стоит в самом сердце церковной жизни. В жизни Вечной будет Вечная Пасха.

**И все, кто, был благочестив и боголюбив, - пусть наслаждаются этим добрым и светлым торжеством.
И все, кто был благоразумен, - пусть войдут в этот день в радость Господа своего.
Если кто потруился и постился - пусть получит сегодня награду.
Последнего и первого в этот день Господь принимает с одинаковой радостью.**

ПАСХАЛЬНОЕ

Кто это не слышал, да пусть услышит,
Как в день Пасхальный чистые сердца,
И все, что ходит, плавает и дышит, -
Без усталости приветствует Творца.
«Христос Воскресе!» - восклицают горы.
«Христос Воскресе!» - вторят им поля.
«Христос Воскресе!» - позабыв раздоры,
Обнявшись с Небом, кружится земля.
В густом лесу поет листочек каждый,
Ликуют реки, села, города...
Я это слышал, правда, лишь однажды,
Но, слава Богу, - раз и навсегда.

Санин Е.

**Пусть богатые и бедные в этот день радуются друг с другом. Прилежные и ленивые - пусть одинаково веселятся.
Пусть никто в этот день Пасхи не рыдает о своем убожестве - потому что явилось общее царство.
Пусть никто о грехах своих не плачет - потому что в этот день Бог дал людям свое прощение.
Пусть никто не боится смерти, всех освободила смерть Христа.**

Продолжение. Начало в № 6-7.

Но вдруг другая половина меня дала о себе знать, и каким поразительным и необычайным образом!

Я вдруг почувствовал, как что-то потянуло меня вниз с непреодолимой силой. В первые минуты это ощущение было подобно тому, как если бы тяжелые массивные гири привязали ко всем членам моего тела, но вскоре и это сравнение стало недостаточным описанием моего состояния, стало казаться незначительным в сравнении с охватившей меня тягой. Нет, здесь действовал какой-то могущественный закон притяжения.

Мне казалось, что не только я целиком, но каждая часть меня, каждый волос, каждая связка, каждая клетка моего тела находилась под действием такого непреодолимого притяжения, как сильный магнит притягивает к себе куски металла. И однако, как бы не сильно было это ощущение, это не препятствовало мне думать и все сознавать; я также сознавал всю необычайность этого феномена, я помнил и ощущал то, что я лежал в кровати, что моя палата находилась на втором этаже, что подо мной была такая же комната; но одновременно я был уверен, что если подо мной была бы не одна, но десять комнат, нагроможденных друг на друга, они бы вдруг расступились, чтобы пропустить меня... Куда? Куда-то дальше, глубже в землю.

Да, именно в землю, и я захотел лежать на полу; я напрягся и начал метаться.

- Агония, - услышал я слово, произнесенное врачом.

Ввиду того, что я не говорил, будучи полностью сосредоточенным внутри себя, врачи, видимо, решили, что я был без сознания, и свободно говорили обо мне вслух. Однако я в это время не только все понимал, но мне было даже в какой-то мере невозможно не думать.

«Агония, смерть! - подумал я, слыша слова врача, - Действительно ли я умираю? Но почему?». Я не мог этого объяснить. Вдруг вспомнив научную диссертацию, которую я когда-то читал, по теме мучительна ли смерть, я начал проверять себя в отношении того, что со мной в это время происходило.

Нет, физической боли я не ощу-

но я несомненно страдал, я чувствовал себя внутренне отяжелевшим и уставшим. Отчего это было? Я знал, от какой болезни я умирал; в чем же тут дело: отек душил меня, или он заглушал деятельность сердца и это меня тяготило?

Я чувствовал, как притяжение поминутно увеличивалось, как я только что вот-вот приблизился к магниту, который меня притягивал, который, если бы я его тронул, заставил бы мое тело слиться с ним, соединиться в одно целое, и уже никакая сила не могла бы отделить меня от него. И чем сильнее я ощущал близость этого момента, тем более унылым я становился,

и это потому, что я одновременно ясно ощущал сопротивление этому, я ясно чувствовал, что я не мог соединиться целиком, что что-то во мне должно было отделяться, и что это что-то стремилось удалиться от неизвестного объекта притяжения с той же силой, с какой что-то другое во мне стремилось к этому притяжению. Вот эта-то борьба и утомляла меня, доставляла мне страдание.

Значение слова «агония», которое я слышал, мне было совершенно понятным, но теперь все во мне как-то отвернулось от всех моих чувств и отношений, а устремилось исключительно к моим восприятиям.

Если бы я услышал это слово еще тогда, когда три врача меня осматривали, я, несомненно, испугался бы в крайней степени. Но в нынешнем состоянии слова врача лишь удивили меня, не вызвав того чувства страха, которое присуще людям, думающим о смерти, и я придал совершенно неожиданное объяснение тому состоянию, которое я сейчас испытывал.

«Так вот оно что! Это земля меня так притягивает» - осенило меня вдруг. «То есть не меня, но то, что ей принадлежит, то, что она мне давала взаимы на некоторое время. И земля ли притягивает его, или само вещество

старается возвратиться к ней?»

И то, что ранее казалось мне таким естественным и истинным, а именно, что после смерти я превращусь полностью в прах, теперь казалось неестественным и невозможным.

«Нет, я целиком не исчезну, я не могу исчезнуть», - почти что закричал я вслух, и сделал попытку освободить себя, оторваться от той силы, которая меня притягивала. И вдруг я ощутил внутри себя покой.

Я открыл глаза, и все, что я увидел в течение этой минуты, до мельчайших подробностей запечатлелось в моей памяти с предельной ясностью.

Я увидел, что стою в комнате;

направо от меня, стоя полукругом, толпился весь медицинский персонал: закинув назад руки и глядя пристально на что-то, что я не мог из-за них видеть, стоял главный врач; сзади него, слегка наклонившись вперед, - младший врач; помощник врача держал мешок с кислородом, явно не зная что делать со своей аппаратурой; молодой врач, наклонившись, что-то поддерживал, но из-за его плеча я не видел ничего, кроме подушек. Это собрание поразило меня: на месте, где они стояли, была кровать. Что же привлекало внимание этих людей, на что они смотрели, когда меня уже там не было, когда я стоял посреди комнаты? Я продвинулся вперед и глянул туда, куда они все смотрели. Там на кровати лежал я.

Я не помню, чтобы ощутил какой-либо страх, увидев своего двойника; я только был в крайнем недоумении: как это может быть? Ощущаю себя здесь, а одновременно я тоже и там.

Я посмотрел на себя, стоящего посреди комнаты. Это несомненно был я, такой же, каким всегда себя знал. Захотел потрогать себя, взяв правой рукой левую, но моя рука прошла насквозь; я постарался схватить себя за пояс, но моя рука опять прошла через мое тело как через пустое пространство.

Пораженный таким странным явлением, я хотел, чтобы кто-нибудь помог мне понять происходящее и, сделав несколько шагов вперед, протянул руку, желая тронуть плечо врача, но почувствовал, что хожу странно, не чувствуя контакта с полом, и что моя рука, несмотря на все мои старания, не может дотянуться до фигуры врача; оставалось лишь несколько сантиметров, но я никак не мог до него дотронуться.

Я сделал усилие стать твердо на пол, но, хотя мое тело следовало моим стараниям и опустилось, однако оно не могло достичь пола так же, как я только что не смог достичь фигуры врача. В данном случае тоже

оставалось лишь самое незначительное расстояние, но я никак не мог преодолеть его.

И я вспомнил, как несколько дней тому назад медсестра, желая предохранить мое лекарство от порчи, опустила флакон с лекарством в кувшин холодной воды; однако в кувшине было много воды, и флакон немедленно поднялся вверх, но старая медсестра, не понимая что происходит, настойчиво старалась несколько раз опустить его на дно кувшина и даже давила его вниз пальцем, в надежде что он там и останется, но как только она убираала палец, флакон сразу же поднимался вверх.

Таким же, видимо, образом окружающий воздух стал слишком плотным для меня, для теперешнего меня.

Что же случилось со мной? Я позвал врача, но атмосфера, в которой я находился, оказалась совсем непригодной для меня; она не передавала звуки моего голоса, и я почувствовал себя в состоянии полного отчуждения от всего окружающего, я понял странное состояние одиночества, и меня охватило чувство паники. Было что-то невыразимо ужасное в этом невероятном одиночестве. Если человек потеряется в лесу или тонет в глубинах морских, застрял в пожаре или сидит в оди-

н о м заключении, - он никогда не теряет надежду быть услышанным. Но видеть людей вокруг себя, слышать и понимать их разговор, и одновременно знать, что чтобы с тобой не произошло, у тебя нет никакой возможности сообщить им о своем присутствии, - от такого состояния одиночества у меня волосы дыбом стали, а ум оледенел. Это было хуже пребывания на необитаемом острове, потому что там природа проявила бы положительные признаки восприятия человеческой личности, а здесь, в этом лишении способности общаться с окружающим миром, в этом неестественном переживании для живого существа было столько смертельного страха, столько ощущения жуткой беспомощности, что невозможно пережить ни в каком другом состоянии, ни передать словами.

Я, конечно, сразу не сдался; всячески стараясь дать знать о своем присутствии, но эти старания лишь повергли меня в полное отчаяние. Может ли это быть, что меня действительно не видят? - думал я с отчаянием и несколько раз подходил к группе людей, стоявших над моей кроватью, но ни один из них не обратил на меня внимания, и теперь я посмотрел на себя в недоумении, не понимая, - как это возможно, что они меня не видят, когда я такой же, каким всегда был. Я постарался тронуть себя, но снова моя рука лишь прошла через воздух.

«Но я не привидение, я чувствую и ощущаю себя, мое тело является настоящим телом, а не каким-то фантомом», - подумал я, и опять пристально на себя посмотрел и убедился, что мое тело было действительно телом, потому что я мог видеть его в мельчайших подробностях. Его внешний вид оставался тем же, что и прежде, но, видно, изменились его качества: оно стало неосознаваемым, а окружающий воздух стал слишком плотным для него, т. к. связь с предметами стала невозможной.

«Астральное тело. Видимо так оно называется? - промелькнуло у меня в голове. - Но что же случилось со мной?» - спросил я себя, стараясь вспомнить если я когда-либо слышал описания таких состояний, таких странных трансформаций во время болезни.

Продолжение следует.

вещество

тело как через пустое

пространство.

застрял в пожаре или

сидит в оди-

